

Роман Злотников

Александр Золотко

**Князь
ТРУБЕЦКОЙ**

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2 Рос=Рус)6-44
3-68

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*
Иллюстрация на обложке *И. Хивренко*

Злотников, Роман Валерьевич.
3-68 Князь Трубецкой/Роман Злотников, Александр Золотько. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с. — (Новый Злотников).

ISBN 978-5-699-84861-4

1812 год. Наполеоновское нашествие на Россию развивается вполне успешно для французов и их союзников. Вот-вот должна пасть древняя столица русского государства Москва. На поле битвы появляется новый полководец — князь Трубецкой. Он ведет на врага своих партизан, изящным взмахом офицерской шпаги направляя дубину народной войны. Даже самому Наполеону становится не по себе, а ведь он еще не знает, что в облике русского князя скрывается наш современник, подробно изучивший тактику и стратегию самого Бонапарта и владеющий методами ведения боевых действий XXI века...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2 Рос=Рус)6-44

© Злотников Р., Золотько А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2015

ISBN 978-5-699-84861-4

КНЯЗЬ ТРУБЕЦКОЙ

...Часовые прозевали свою смерть. Только-только они увлеченно обсуждали что-то, даже не понижая голосов, и вдруг умерли. Один — сразу. Лезвие сабли легко вошло между ребер и пробило сердце. Второму нож рассек горло, кричать он не мог, но несколько секунд, сползая на промерзшую землю, мог видеть, как его убийца спокойно, не прячась и не торопясь, движется к дому, в котором спали остальные члены банды.

Даже больно не было часовому, просто что-то обожгло горло, и слабость заставила опуститься вначале на колени, а потом лечь на бок. Потом часовой просто уснул.

Остальным бандитам повезло гораздо меньше.

Несколько раз стукнуло кресало, вспыхнул факел — тряпка, пропитанная жиром и намотанная на палку. Потом еще несколько факелов были зажжены от первого, и люди встали полукругом перед крыльцом избы.

Кони в сарае фыркали, но не пугались — привыкли и к огню, и к шуму. Даже мертвые тела хозяев хутора, лежащие тут же, возле стены на сене, лошадей не беспокоили. Животные привыкли к войне и смертям.

Дверь была даже не заперта, бандиты чувствовали себя в безопасности — допустили обычную для бандитов и партизан ошибку. Это МЫ нападаем внезапно. Это НАС должны остерегаться и солдаты, и крестьяне. Мы решаем, кому жить, а кому...

Но сейчас жить им или умереть — решали вовсе не они.

Факела влетели в избу вместе с выбитыми окнами, упали на спящих вповалку на полу людей. Вскинувшиеся спросонья не поняли, что происходит: дым, пламя, боль от ожогов. У одного вспыхнули волосы.

Пожар!

Деревянные дома горят быстро, и тот, кто замешкается внутри, обречен на гибель.

— Наружу, — закричал кто-то, — наружу!

В дверях возникла давка, люди, не понимая, что происходит, толкали друг друга, кто-то сообразил выхватить нож — раздался вопль боли и ярости.

Огонь в доме добрался до оставленного в соломе пистолета — выстрел. И еще выстрел. Бандиты стали выбегать на двор. Им казалось, что они спаслись.

Им только казалось.

Первого приняли на штыки — два граненых стальных острия пробили одновременно сердце и легкие, подняли и швырнули тело в сторону, как сноп колосьев во время жатвы. И следующего. Третий увидел, что его ждут, закричал, метнулся в сторону, пытаясь спастись. Ему позволили добежать до угла избы, прежде чем саблей подсекли ноги. Быстрое, неуловимое движение клинка, режущего жилы под коленями, и удар по шее, в основание черепа.

Почти никто из бандитов не взял с собой оружия. Не успели — не до того было, все спасались от огня. И теперь умирали безоружными. Кто-то пытался защититься голыми руками, подставляя их под удары штыков, режа пальцы о лезвия сабель, закрывая головы ладонями, словно могли отразить удар кованого мушкетерского приклада.

Те, кто оружие все-таки взял, тоже умирали. Их не вызывали на поединок, не предлагали честного боя один на один. Как только кто-то из них взмахивал саблей, сразу несколько клинков поражали его в грудь, в лицо, в живот.

Падавшего добивали.

Тех, кому все-таки повезло, добивали одним точным ударом. Но таких было немного.

Сабли и штыки рвали, секли, полосовали человеческую плоть. Кричали раненые, хрипе-

ли умирающие. Кровь заливала землю перед крыльцом.

Один из бандитов, судя по одежде и оружию — предводитель, умудрился отскочить к избе, прижаться спиной к бревнам, держа перед собой саблю в вытянутой руке. В левой он держал пистолет.

Предводитель пытался выстрелить — пистолет дал осечку.

Но в рукопашной схватке опытный человек не бросает даже разряженное оружие. Им можно отвести удар сабли противника, можно швырнуть в лицо, чтобы отвлечь внимание и достать все-таки, хоть одного... дотянуться...

— Кто у вас старший? — прохрипел бандит. — Выходи, если не трус...

Бандит был уверен в себе. Он задыхался от ярости, понимал, что все, что из этого хутора он не уйдет, что так и останется возле этой бревенчатой стены, но он хотел умереть в бою. Ему нужен был шанс.

— Выходи! — срываясь на визг, крикнул бандит. — Трус! Ничтожество!

Изба разгоралась, из окон вырывались рыжие языки пламени, освещая пространство перед домом: теперь предводитель бандитов мог рассмотреть тех, кто убил его людей и собирался отнять жизнь у него самого.

— Убью! — закричал предводитель. — Убью!

— Хорошо, — сказал один из тех, кто убивал бандитов. — Попробуй.

Предводитель захохотал, запрокинув голову и широко открыв рот. Да! Да! Этот расплатится за всех, подумал он со злобной радостью. Он подохнет здесь, даже если придется перегрызть ему глотку зубами.

— Ну, подходи... — Предводитель наклонился и присел, словно готовясь к прыжку. Или на самом деле собирался прыгнуть на своего врага, сбить его с ног и убить...

— Хорошо, — снова сказал убийца. — Ты можешь попытаться меня убить. Но за все нужно платить, да?

— Что ты хочешь? Чего ты еще хочешь от меня!

— Ты скажешь, куда ушли ваши остальные.

— Зачем мне это? Я ведь все равно подохну...

Выстрел. Убийца неувовимо быстро поднял левую руку с пистолетом, пуля ударила в бревно возле тела предводителя. Не возле головы, а на уровне живота.

— Ты можешь подохнуть с пулей в брюхе. А можешь — как-нибудь иначе. Но быстро. Что выберешь?

— Я убью тебя, — сказал бандит.

— Но перед этим...

— Они ушли к реке. Там мост, а за ним деревня... Я не могу выговорить эти варварские

названия... Что-то связанное с комарами. Там монастырь... Золота много, а защищать некому... — Бандит лязгнул зубами. — Достаточно? Теперь мы можем...

— Ты не соврал?

— Нет, конечно... Не соврал! Я сказал правду — почему это я один должен подыхать, а они... Нет, все поровну. И смерть тоже... И смерть! — Бандит бросился вперед, от противника его отделяло всего три или четыре шага... два прыжка...

— Умри!.. — Сабля взлетела к черному небу, взлетела, чтобы обрушиться на голову врага...

Выстрел — пуля ударила бандита в живот, швырнула на землю.

Боль. Дикая боль. И разочарование, и обида... Его обманули... Так нельзя... Это несправедливо...

Убийца подошел к нему, наклонился.

— Добьешь?.. — с надеждой спросил бандит и уже другим тоном, дрожащим голосом попросил: — Добей...

Убийца покачал головой.

— Будь ты проклят! — прохрипел бандит. — Будь ты проклят!

Убийца пожал плечами, словно соглашаясь, что умирающий имеет право на проклятие.

— Кто ты? — спросил бандит. — Имя... Я и в аду... в аду тебя достану... буду ждать...

— Князь Трубецкой, — наклонившись, сказал убийца. — Не забудешь? Князь Трубецкой.

Поднявшись в седло, князь оглянулся — бандит все еще был жив, сучил ногами и скреб пальцами замерзшую землю.

Жалости не было. Не было даже тени сострадания, даже такого, которое заставляет подарить врагу быструю смерть. Сейчас князь хотел одного.

Он хотел убивать.

ГЛАВА 01

Вначале звуки: далекие голоса, птичьи крики, скрип. Тряска, сильная тряска, тело раскачивается из стороны в сторону.

Потом — запахи. Сосновый лес. Похоже — утренний сосновый лес, влажный воздух, пропитанный запахом хвои. И резкий запах овчины. Еще запах чего-то, незнакомого, едкого... И запах лошадиного пота.

Похоже, его везут в телеге.

Странное ощущение, он последний раз ездил в телеге очень давно, еще в детстве. Захотелось приподнять голову, оглядеться, но он заставил себя лежать неподвижно. Даже глаз не открыл.

Может быть, ему стало страшно?

Он ведь уже пробовал пошевелить рукой, и у него ничего не получилось. Он даже не чувствовал своих рук, как, впрочем, и ног.

— Ты ведь понимаешь, что есть вариант, при котором ты окажешься заключенным в непо-

движном теле, — сказал ему вечность тому назад Дед. — Может оказаться, что твое сознание просто не сможет управлять телом и ты будешь паралитиком. Может быть, даже слепоглухонемым паралитиком. И ничего тут нельзя поделать, нужно быть просто готовым принять это как данность, как вероятную угрозу...

— И просто умирать, — ответил он в тот раз. — А еще есть вероятность, что мое сознание окажется в том теле вместе с сознанием князя. И я стану шизофреником. Так ведь?

— Так, — согласился Дед.

— Но ведь возможно и то, что все получится. — Он даже смог засмеяться. — Мое сознание, моя личность ляжет на его память, и я буду помнить все то, что помнит он, знать все и всех, кого знает князь... И весь мир будет к моим услугам...

— Возможно, — снова согласился Дед. — Возможны еще варианты, более или менее болезненные для тебя и Него. Мы можем сломать его жизнь и твою. И снова... снова... ничего не построить взамен.

— Снова все просрать, — сказал он. — Как мой прадед в Первую мировую, как отец моего прадеда в русско-японскую... Но ведь мы же понимаем с тобой, что, даже если вселение пройдет по самому лучшему варианту, у меня может ничего не получиться... Даже если по самому лучшему варианту...

Он снова попробовал пошевелить рукой и снова не смог. Это было не похоже на самый лучший вариант. Это было... Он почувствовал, как страх стал медленно заливать его мозг. Липкий, холодный, обессиливающий страх.

Он готовился всю свою жизнь. И вот теперь...

Нужно успокоиться. Это чужое тело. И просто нужно время, чтобы научиться им управлять. Не напрягаться, не дергаться, а вращать, привыкать, приучать тело к новому хозяину. И все будет хорошо. Он уверен, что все будет хорошо. И Дед сказал на прощание, что... что верит в его удачу. И верит в его способность изменить судьбу целого мира. Дед иногда позволял себе высокопарность. Ну и хотел на прощание подбодрить его. Напомнить, что...

Заржала лошадь.

Совсем рядом. И кто-то выругался. Не по-русски.

«Пся крив!» — поляк. Это ругается поляк. А кого ты еще рассчитывал найти возле Вильно в июне восемьсот двенадцатого года? Нет, конечно, тут сейчас, помимо местного населения, кого только нет: и многонациональная русская армия, и двенадцать языков Великой армии Наполеона.

Он почему-то надеялся, что везут его в обозе Семеновского полка. В момент вселения князь потерял сознание, его подхватили свои, попытались привести в чувство, он не очнулся, тог-

да его положили в повозку доктора. Или просто в повозку, рядом с имуществом господ офицеров. Или просто в грузовую телегу. Своих ведь семеновцы не бросают? Тем более — офицера. Князя и офицера.

Но в этом случае — не было бы польской речи рядом. И польской ругани. Поляки не слишком печалились уходом москвитов. Мягко говоря — не печалились. И только единицы уходили вместе с русской армией.

Получается, что он попал к полякам. Попал в плен или даже чего похуже. Сколько русских солдат и офицеров пропали в том июне, канули в неизвестность, отправившись в путешествие в одиночестве или на минутку отошедшие зачем-то от бивака... Десятки? Сотни?

А еще у него не двигаются руки. И тело не подчиняется. Он даже глаз до сих пор не открыл...

Поляк продолжал ругаться — затейливо и с выдумкой. Поминал какого-то безрукого Стася вкупе с безголовым лайдаком Штефаном, который свою задницу найти не сможет при солнечном свете.

Он понимает поляка, это хорошо. И это совершенно ничего не значит — он знал польский язык еще в той своей жизни, еще до того, как Дед сказал «пора», как что-то холодное вдруг обрушилось на него, захлестнуло, под-